

Свящук А.Л.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ САМОРЕФЛЕКСИИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Актуальность. В настоящее время научная рефлексия на современное общество производится как на целостную и сложную систему. В связи с глобальными трансформациями общественного целого становится невозможным рассматривать явления социальной жизнедеятельности изолированно; резкие изменения одного явления меняют системные свойства целого и вместе с этим меняется характеристика других явлений. Наиболее актуальными являются исследования сложных многоаспектных явлений, открывающих обширное поле для изучения природы современной цивилизации, её функциональных и дисфункциональных механизмов. К таким явлениям относится изучаемая нами культурная маргинальность, которая, по нашей гипотезе, является следствием кризиса идентичности. В свою очередь, и сама проблема идентичности оказывается вызванной к жизни тенденциями развития социальной жизнедеятельности, без изучения которых невозможно её понять. Понятие идентичности охватывает субъективное время, личную деятельность, вскрывает субъективное, национальное, социальное на фоне наступления культуры постмодерна, информационной экономики, глобальной политики. Многие вопросы экономического, политического, культурного плана оказываются, в конечном счете, вопросами об идентичности.

Степень разработанности. Присутствуя имманентно на протяжении всей человеческой истории в качестве практического феномена проблема идентичности становится возможной для теоретической рефлексии только в XX-м столетии. И хотя потребность быть чем-то целым, осознавать свой внутренний мир, каким-то образом представлять себя сообществу, обозначать свои цели и устремления, человек испытывал всегда, тем не менее, осмысление проблемы идентичности начинается в философской, социологической и психологической рефлексии с открытия кризиса идентичности; рефлексия производится с помощью различных, накопленных к тому времени наборов теоретического инструментария, а приводит к обострению и открытию проблемы тенденции мировой динамики развития. К исследовательским школам, которые обозначились в проблеме идентичности, можно отнести школу психоанализа и фрейдистов М. Клейна, А. Фрейд, М. Малера, Р. Шафера, У. Мейснера, последователей З. Фрейда – К. Юнга, А. Адлера, К. Хорни. Автором первой серьезной концепции идентичности является австро-американский ученый Э. Эриксон; именно после выхода в свет его книг «Детство и общество», «Молодой человек Лютер», «Идентичность: молодость и кризис» термины «идентичность» и «кризис идентичности» прочно вошли в философский, социологический и психологический словарь. Среди основных предшественников своей концепции сам Эриксон выделял У. Джеймса, З. Фрейда, а также Ч. Дарвина и К. Маркса. Кроме них, свой вклад в разработку проблемы внесли Э. Фромм, Ж. Пиаже, Дж. Мид, Ч. Кули, А. Маслоу, Р. Мейсли, Г. Олпорт, К. Роджерс, Х. Салливан, Э. Гофман, Г. Горфинкель. Недостатки ранних американских исследований, заключающиеся в односторонне-психологическом рассмотрении идентичности, преодолевает современный американский автор Р. Баумайстер, предлагая понимать идентичность как сложно-структурную и многокомпонентную модель с упором на социальный аспект. Осмысление идентичности присутствует в работах: немцев Ю. Хабермаса и В. Хёсле; британских исследователей К. Поппера и А. Гидденса; французских

М. Фуко, П. Бурдьё, М. Серто. Среди советских и постсоветских исследователей можно выделить классиков Л. Выготского, М. Бахтина, А. Леонтьева, С. Рубинштейна, работы Э. Ильенкова, А. Гуссейнова, Б. Поршнева; особо отметим И. Кона, которого можно назвать популяризатором различных аспектов идентичности в отечественной философии и психологии, а также современную социологическую школу В. Ядова. Замечательный компаративный анализ концепций идентичности представляет работа М. Заковоротной «Идентичность человека. Социально-философские аспекты» [1]. Благодаря определенным социальным тенденциям, проблема идентичности становится крайне острой. Исследовать идентичность – это обозначить последние закономерности развития мира и общества, рассмотреть изменившееся место человека. Именно в информационную эпоху возник наиболее острый конфликт по линии глобальное – локальное, внешнее – внутреннее. Как замечает М. Заковоротная, существует взаимосвязь между проблемами информатизации общества, идентификации и становления новой картины мира, в которой ключевая роль принадлежит информации, нестабильности, разнообразию. Проблема идентичности в настоящее время обусловлена становлением информационного общества и переходом к информационному способу развития, что задаёт контекст проблемы. В этом контексте разработку проблему идентичности нельзя считать завершённой.

Цель настоящей статьи, в связи с вышеизложенным, заключается в том, чтоб обозначить тенденции социальной жизнедеятельности, которые «открыли» проблему идентичности в обстоятельствах меняющихся исторических условий.

Попытаемся определить те социальные и культурные тенденции в различные исторические эпохи, благодаря которым произошло становление идентичности как социального явления. Акцентирование на социально-культурном контексте имеет принципиальное значение для объяснения объективных предпосылок становления идентичности, поскольку позволяет обозначить общие закономерности, также общие и особенные условия идентичности в современном обществе.

Начало человеческой истории. Для сознания человека первобытного характерна, по мнению И. Кона, «еще невыделенность» [6]. Примитивный человек не делает ничего такого, что не было сделано его предками. Повседневность регулируется массой ритуалов и обычаев. Отсутствие исторической рефлексии на общество и индивида связано с тем, что история опиралась на устную традицию и обладала крайне ограниченной ретроспективой. Идентичность и самоидентичность стали возможны только с появлением письменности. Только тогда становится возможной интерпретация культуры и диалог культур. Разделение на «своё» и «чужое». А для первобытного общества характерны полная идентификация с предками, с их примитивной коллективностью, вечным возвращением к прародителям [2, с. 166]. Течение жизни понимается как циклический процесс, субъект жизнедеятельности – племя, род, а не индивид сам по себе.

Античное самовосприятие. Античная философия, литература, искусство уже заняты проблемами, связанными с понятиями личность, социальная автономия, индивид. Как отмечает А. Лосев, «...человеческое в античности есть телесно человеческое, а не личностно человеческое» [3, с. 60]. Человек хочет того, что требуют Боги. Бог или герой селится в семейство, клан, и это та субстанция, что определяет поведение, имя, сущность, деятельность индивида и передаётся от поколения к поколению. «...отдельный человек не только чувствует свою связь с прародителями благодаря продолжающемуся процессу порождения, но он убеждён в своей идентичности с ними» [4, с. 111]. Боги дают идентичность роду. Чему не способствует Бог или герой, то не сопровождается успехом. Внутренний мир вплетен в замкнутый круг идентичности рода. Характер

человека отличен Богом: в воинственном человеке живёт Арес, в воспылавшем любовью – Афродита, в практически мыслящем – Афина, в царственном – Зевс...» [2, с. 122]. Очевидна неисторичность античного мышления, обусловленная идентичным повторением первособытия, что вновь и вновь происходит. Однако, уже заявляет о себе социальная идентичность. Знаменитая греческая культура позднего периода уделяет много внимания автономии души, самопознанию, поиску себя и властвованию над собой, самоопределению и самосовершенствованию. В поэзии и трагедиях присутствует личное переживание: страх, стыд, вина, достоинство, совесть. И это уже темы для рефлексии. «Пробужденное однажды и схваченное трагедией сознание уже не может вернуться к этическому спокойствию... озадаченность отныне будет царить в его бытии и править всем, даже бегством от себя» [5, с. 40]. Коллективная память ещё не фиксирует, и соответственно не оценивает исторических событий как особенного феномена. Но в целом, античное мышление предпринимает первые попытки философской и духовной интерпретации самосовершенствования и самообучения, влияния на других людей с помощью власти, воли, знаний. Это попытки становления первого человеческого знания о себе, еще нечётко сформулированного, но глубокого по содержанию. И главная его особенность – универсальное для всех людей содержание, могущее приобретать разнообразные виды.

Европейское Средневековье. Социальная иерархия средневекового общества была строго определена. Каждому Богом отведено собственное место в сообществе, – замечает Августин. Церковь учила тому, что каждый должен жить сообразно своему положению. При этом считалось, что аристократы внутренне лучше и благороднее простых людей. Дом, отношения, семья, бракосочетание, положение в обществе были утверждены при рождении. Всё это свидетельствует о том, что индивид ещё не выделился из органической наследственной группы родства, большой семьи, патронимии, «...родовитость, чувство рода были неотъемлемой стороной его самосознания» [7, с. 32]. Общество было строго разделено по социальным анклавам и «...оставалось практически немобильным. Большие институциональные структуры определяли жизнь, каждый получал свою идентичность на блюде» [8, с. 16]. Средневековье рассматривает личную жизнь как свидетельство идеала [9]. Практически нет представлений о соответствии самому себе, то есть самоидентичности. Вместе с этим, существование сравнительно-подчинительного отношения человека и Бога говорит о необходимости соответствовать идеалу, который создан коллективным человеческим умом. Как отмечает В. Хёсле, благодаря моей тождественности универсальным нормам, я всегда представляю собой нечто большее, чем в настоящий момент, ведь человеческое сознание не просто отражает мир, а вырабатывает то, что содействует его росту [10]. П. Гайденок, исследуя христианскую традицию, замечает, что человек средневековья вырван из космоса, оторван от природы, и такое противоречие создаёт первые сложности индивидуального бытия [11]. Если в раннее средневековье молитву полагалось возносить не про себя, но с другими вместе, равно как и читать божественные книги, то уже для монашеской молитвы надо было найти минуты молчаливого размышления, уединения, чтоб воспитывать сосредоточие мысли, дать возможность избранному идеалу спаять воедино различные стремления своего духа. Настроение непрерывной молитвы воспитывало самоуглубление.

Таким образом, в раннем средневековье формируются первые элементы идентичности – соответствие личности идеалу, осмысление своего внутреннего Я, приобщение к духовному. В «Исповеди» Августин отмечает: «Что же я такое, Боже мой? Какова природа моя? Жизнь пёстрая, многообразная бесконечной неизмеримости»

[12, с. 22]. Но человек ещё непосредственно включен в ритм природы, преобладает циклическое восприятие времени и аграрный уклад бытовой жизни. Теснота – важный показатель частной жизни и менталитета горожан и селян. Она не ощущалась как нечто дискомфортное, а была естественным выражением солидарности, чувства общности, душевной близости и взаимной привязанности. Ситуация выбора форм и образов в культуре не прослеживается. Существует выбор лишь между заданными образцами как равно возможными, равно допустимыми, и равно достойными [13, с. 300].

В XII веке происходит сдвиг. С появлением нового чувства длительности и полноты каждой индивидуальной жизни цель в жизни становится индивидуальной, и это придает смысл каждому совершенному поступку. Божественная картина мира усложнилась, в ней появляется третья реальность – страшный суд (Ф. Арьес, Ж. Дюбуи, Ж. Гофф). С этого момента жизнь оценивается в каждом конкретном случае согласно тем поступкам и вкладам человека, которые были совершены на её протяжении. Разнообразие проявляется как в религиозной картине мира, так и в реформаторстве церкви. В XVI веке озабоченность индивидуальным путём в жизни оборачивается тем, что художники изображают себя вместо святых, укореняется привычка к личному чтению, раскрывается радость наслаждений, игры, богатства, хорошей кухни и человеческого тела. Расцветает куртуазная рыцарская культура; происходит явный всплеск внимания к чувственности, эмоционально-интимной стороне отношений. Вместо христианского самосовершенствования утверждается совершенствование на земной почве. Художники «...впервые с восхитительным достоинством провозгласили, что великий художник сам является принцем и имеет право, подобно самому Богу, свободно творить всё, что захочет» [14, с. 296]. Происходит процесс вызревания наук о природе и жизни и, впоследствии, великие открытия сделают необратимой и всеобщей перестройку ценностных ориентаций. Стабилизируется практика присвоения имён. Имя становится важным социальным знаком, определяющим положение человека в обществе. В отличие от Античности, имя теперь отмечает принадлежность к роду, семье. Присваиваются христианские имена, тем самым, утверждая христианскую модель поведения, а христианская вера обеспечивает прочный базис единой, наполненной смысла человеческой жизни. С расцветом городов, возникновением слоя интеллигенции, становлением корпоративной этики появляется тенденция формирования в человеке индивидуальности. Как показал И. Хейзинга, происходит распад средневековой идентичности и возникновение новой, бюргерской [9].

Таким образом, основные компоненты идентичности были в средневековом обществе строго определены в соответствии с жизнедеятельностью социальных институтов. Только возникает интерес к индивидуальному обыденному жизненному пути и межличностным повседневным отношениям. Самоизучение, самоуглубление с помощью молитв, исследование собственной души организуют мыслительную активность тех времён. И всё же групповое сознание преобладает, а индивидуальное находится под сильным воздействием различий в социальном статусе. Основу идентичности составляет духовное саморазвитие, самосовершенствование. Детерминированность всеобщей практики позволяет строить единую всеобщую модель поведения (в локальных рамках) и уже задана общая модель, по которой возможно идентифицировать собственное бытие. Социальная и духовная жизнь постепенно дифференцируется: сначала религия простирается на всё, что социально, и социальное становится религиозным; потом функции политические, экономические, светские становятся самостоятельными, образуют подсистемы, имеющие собственные свойства и цели. Также важно, что информационные потоки начинают охватывать единое общее пространство, например, латынь способствует

складыванию единого информационного пространства культуры, это также влияет на становление идентичности.

Возрождение. Распространяющаяся дифференциация труда этого периода создаёт «точки роста». Создаются промышленные центры, отрабатываются универсальные принципы коммуникации. Зарождающееся в одной точке развитие передаётся другим с помощью и в виде информации, умножая внутрисоциальные отношения. Драматические социальные изменения, борьба за национальную независимость, распространение религиозных разногласий, повышение социальной мобильности, общий экономический подъем, расцвет городов, становление новых экономических и торговых путей, географические открытия – все эти изменения не могли не повлиять на развитие новых качеств идентичности. Все виды социальной активности: товарные, денежные операции, рождение новых мануфактур – соединились в практике правящего слоя, в деятельности одних и тех же лиц, которые вели торговые и ростовщические операции невиданного ранее размаха. «Такое многообразие незатвердевших социальных ролей обеспечивало правящему слою устойчивость и выковывало в его среде блестящих людей, более того – создавало общую атмосферу, в которой высоко ценились индивидуальность и незаурядность» [15, с. 50]. Множественность и возможность выбора, что является необходимым условием самопонимания, уже достаточно широко представлены в эту эпоху. Возрожденческий эклектизм – влюблённость во всех Богов, которая порождает желание всё испробовать, ко всему приобщиться. Плюрализм эстетических и культурных форм, что показывает в исследовании эпохи А. Лосев, поражает. Для этого времени уже характерна автономизация человеческой деятельности, которая закрепляется в социальных институтах. Меняется социальный статус элиты. Благородство теперь достигается совершенствованием, ученостью. Сословные определения положения индивида в обществе не всегда подходят. Так, Микеланджело разговаривал с Папой, не снимая войлочной шляпы [15, с. 84]. Формируется новый тип личности: независимый, способный накладывать отпечаток на всеобщее, оригинальный и самостоятельный во всём. Пространственные признаки индивидуализма обозначили себя в появлении частных помещений, предназначенных только для одного человека: кабинеты учёных, частные капеллы, одиночные кельи в монастырях. Важнейшим сдвигом в общественном сознании Возрождения стала иная интерпретация личного времени. «Тот опережает других, кто лучше умеет тратить свое время» [15, с. 113]. Неистовая страсть к знанию, нетерпимость к пустому времяпрепровождению, умение трудиться, стремление заполнить свободный час книгами – вот высшее блаженство, доступное лишь человеку, хотя и не каждому. XV, XVI века – не только время купцов и дельцов, но и гуманистов. Именно гуманисты вырабатывали новый тип культуры и личности, столь необходимый для бурных и быстрых завоеваний. Умение распоряжаться своим временем и собой по велению личной судьбы – предварительное условие, чтобы стать гуманистом. Плюрализация социальной жизни приводит к необходимости находить универсальные критерии поддержки, опоры для «Я». В XV, XVI веках выражалось это, прежде всего, в религиозной и политической практике. Уже приходилось выбирать между католиками и протестантами, оставаться ли на родной земле или пуститься в далекие плаванья, делать выбор между различными политическими группировками при монархе. В эту эпоху человек стремится найти точку опоры уже не столько в космосе или в Боге. Он вырос в себе самом [11]. Но вместе с расширением разнообразия, быстрыми радикальными переменами, теряется привычный язык коммуникации, всё становится чужим, происходит разлад с самим собой. Усилия по созданию новых способов и уровней коммуникации, среды, где можно найти социального

партнера, приводят к появлению малых кругов общения. В Италии появляются неофициальные научные сообщества – «Академия кошки», «Академия лопаты», последняя до сих пор существует во Флоренции, кружки, объединяющие художников и скульпторов (например, кружок «Горшок», членами которого были Микеланджело и Леонардо да Винчи). Безусловно, новое разнообразие эпохи Возрождения не обошлось без изменения информационной структуры. Она развивается в экономической, торговой деятельности, с ее помощью контролируются стратегические ситуации, например, системы сбора информации о рынке в Венеции. Становление информационной структуры естественно формирует разнообразие в мыслях на практике, что служит основанием для появления самой проблемы идентичности. С другой стороны, наладившиеся новые информационные связи объективно приводят к дальнейшему расширению и разнообразию информации. Изобретение и использование печатного станка открыли путь для новой эры – эры книг и газет. Появление новых моделей социальной активности было связано с постановкой новых задач перед индивидом. Он должен был владеть искусством предположения: рассчитывать риск и балансировать между альтернативами, ему нужны были точный расчет и осмотрительность. Открытость планирования индивидуального будущего, обеспечение безопасности собственной жизни путем обдумывания своих поступков, предвидение и постоянный самоконтроль – вот качества, к которым призывал человек Возрождения, мастер политических трактатов Н. Маккиавелли. Формула индивидуальной независимости означает, что надо жить свободно, без оглядки, вести себя по-своему, не принимая чужого, заниматься делами на собственный манер. В эпоху Маккиавелли открывается и другая сторона человека. Действовать – значит вставать на чью-то сторону, с кем-то объединяться, принимать решение. Противоборство жизни созерцательной и активной, деятельной придает новые оттенки, порождает сомнения и страх.

Таким образом, проблему идентичности в этот период обусловили такие тенденции: нарушение стабильности социальной структуры, при этом социальный базис идентичности стал подвижным и проблематичным; жизнь в большей степени стала зависеть от случая, нежели от рождения, а богатство вступило в противоречие с наследуемым знатным положением; социальная мобильность создала много стрессовых ситуаций, прежде всего, в становящейся коммерции; перестала существовать единая, религиозная модель в рамках стабильного общества и выбор уже мог быть не задан заранее. Также выделяется тенденция к секуляризации и автономизации всех форм духовной деятельности: науки, философии, искусства. Пришел мир, в котором традиционные устои рушились; исход человеческих действий был неопределен, былые ценности перемешались с новыми, а в поворотные моменты жизни требовался индивидуальный выбор. Растет социальная мобильность и личные достижения открывают путь к жизненным высотам. Возникают зачатки проблем, связанных с идентичностью: смысл, выбор, методы самопознания и саморефлексии.

Эпоха Модерна. Общественное развитие после Возрождения четко обозначило дальнейшую индивидуализацию. Мир становится разнообразным для самых широких масс. Атомизация общественной жизни свидетельствует о разрушении традиционного порядка. Важнейшей вехой становится появление концепции «скрытого Само». В каждом человеке живет внутреннее Я, скрытое от других, которое может не проявляться в социальном поведении. Это внутреннее Я трудно определить, так как за ним трудно наблюдать. Настоящие мотивы, интенции спрятаны внутри Я. Именно в это время великий французский философ Рене Декарт объявляет, что самопознание, сомнение – высшие ценности, самознание – самая надежная и безопасная реальность.

«Нет более достоверного знания, как познание самого себя» [16, с. 547]. Главная характеристика времени – интерес к индивидуальному. Признаком движения в сторону индивидуализации стало ослабление кровно-семейных уз. На место утраченного уважения и доверия к главе семейства приходило уважение и преклонение перед государством, перед главой государства. Организация общества как системы семей уступила место системе, организованной по принципу «индивид сам по себе». Этот исторический феномен стал важнейшей основой становления посттрадиционного общества, в котором проблема идентичности становится все более актуальной. Индивидуализация проявляется и в постепенном уходе от семейной традиции. На смену семейно-локальным традициям приходит более влиятельная и универсальная традиция, более высокого социального порядка, более успешной организационной формы – национально-государственная традиция. С одной стороны, она освобождает человека от пут и зависимостей прежнего порядка, с другой – создает более универсальные способы контроля и подчинения. В ее распространении проявляется необходимость обобщенного понимания прошлого, интерпретации места человека в прошлом. Атомизация и индивидуализация проявляется в пуританской религии в виде такой человеческой черты, как «самообман». Чрезвычайно строгие требования к моральному облику как к единственному средству успокоения души не всегда выполнялись, но стремление увидеть себя среди избранных специально культивировалось и было велико. Пуритане имели стойкую тенденцию к ханжеству и неверной саморепрезентации. Внимание к внутреннему миру создает требования к воспитанию детей. В появившихся соответствующих социальных институтах идеологи пуританской этики считали детей изначально безнравственными и нуждающимися в строгой опеке. Естественное Я – враг истинного Я. Чтоб воспитать религиозного человека, нужно сломать его волю. Основной ценностью считается труд. Как показал М. Вебер, работа в среде протестантов является важнейшим средством духовного самосовершенствования. Профессия – это духовное, данное свыше призвание. Карьера – личное достижение и продвижение, персональное предназначение, требующее самосознания, осмысления средств достижения. Таким образом, профессия, работа, карьера становятся важнейшими компонентами идентичности в Новое время. Потенциально сложились еще два важнейших качества идентичности: грамотность и сознание, использующее национальный язык.

К XVIII веку создается почва для многочисленных политических, промышленных, культурных революций. Бытовые, экономические, торговые, политические, культурные изменения накапливаются, интегрируются во времени, меняя уклады жизни. Восемнадцатый век становится переломным для всего исторического развития. В этот период окончательно оформляется переход от общества традиционного к посттрадиционному. Особенности этого времени являются: вытеснение тяжеловесного механизма примитивной экономики с локальными и ограниченными очагами роста и самодостаточного натурального обмена, не требующего динамичного хозяйствования и управления; всеобщее экономическое ускорение; изменения коллективного и индивидуального сознания в сторону признания множественности. «Дела обстоят тем лучше, чем чаще они меняются» – умонастроение Барокко послужило началом становления постмодернистской идеологии, окончательно оформившейся в XX веке [17]. Тогда же впервые начинает складываться и функционировать единое мировое пространство, а развитие стран и регионов определяется не только локальными, но и внешними экономическими, торговыми, политическими взаимосвязями. Складывающиеся взаимосвязи приводят к динамизму во всех областях

жизнедеятельности, и в единой мировой практике требуется идентифицировать в едином процессе движущие силы как общей жизнедеятельности, так и локальные роли. Наука постепенно берёт на себя роль церкви – роль социализации. Определяется задача превратить автономного самолюбивого индивида в цивилизованную просвещенную личность. Фундаментальным основанием всех изменений становится стремление понять историю саму по себе, внимание к постоянному изменению развития видов человеческой деятельности, институтов, изучение смен картин мира. Историчность становится осью процесса идентификации. Становление идентичности определяется появлением политики эмансипации. Ж.-Ж. Руссо впервые поставил проблему противоречия индивида и общества в политическом аспекте. Коллективная жизнь должна быть организована так, чтоб индивид был способен действовать в социальной жизни. Возникают коллективные обязательства, коллективные потребности и стремление определить коллективную идентичность как особую составляющую жизненного мира. Свобода предполагает действия, но за которые приходится нести ответственность перед другими. Поэтому единственный выход – наладить коммуникацию и в её процессе совершать выбор на основе имеющейся информации (Ю. Хабермас). Практически все современные движения, отстаивающие свободу самоопределения, зародились в XVIII веке: политические, студенческие, феминистические, национально-освободительные. Социальное положение становится скорее проблематичным, нежели стабильным. Подъем среднего класса разрушает традиционную систему социального статуса, нарушая корреляцию богатства, социальных связей, титула. Происходит изменение социальной детерминации процесса идентификации по различным направлениям. Так, французская революция, отменив титулы, сделала всех равными, но возникла необходимость построения новых социальных отношений, в которых обезличенные, было, граждане могли бы себя спокойно идентифицировать.

Таким образом, к XVIII веку в условиях изменения социальной структуры появилась необходимость развивать в себе способность правильно определить своё личное место в среде социальных отношений, соответствовать этому месту и с помощью социальных символов выражать свою принадлежность тому или иному слою, партии, культурному сообществу. В теоретической рефлексии в работах Д. Юма, И. Канта, Г. Лейбница является концепция «само». Отвергается детерминизм как невозможное объяснение для природы межчеловеческих отношений и смысла человеческого действия. «Само» нельзя познать до конца, его континуальность создается, а не задана автоматически, и связана не только с работой и социальной ролью. На фоне формирования персонального историзма, после религиозной детерминации идентичности происходит переход к социоисторической детерминации. Возникает необходимость самоосмысления и моделирования такой сложной системы, как история.

Эпоха романтизма, воспев одиночество, обрекает индивида на конфликт с обществом. В этот период происходит усиленный поиск моделей самовыражения, самоосуществления. Индивид берет на себя смелость уйти от общества, презреть его законы, если они противоречат собственному внутреннему миру. Наряду с социальным функционализмом образуется движение к гармонии, к органичности. Характерно, что для этого периода «креативное» бытие становится жизненной моделью. Ценится не внешняя красота, а внутренняя глубина, способность прожить, прочувствовать богатую внутреннюю жизнь. Одним из самых эффективных средств такого прочувствования (наряду с искусством) становится любовь. Страстная «романтическая» любовь – главное условие полноты самовоплощения. В дополнение к креативности и любви в эпоху

романтизма добавился еще один новый компонент идентичности – культивация внутреннего «само», внутреннего мира, который составляет главный аспект идентичности. Персональность становится базовым компонентом идентичности. При этом обостряются противоречия человека и общества. Общество отвергается, прежде всего, потому, что мешает личному самовыражению. Романтические идеалы и общественная практика расходятся друг с другом.

В XIX веке продолжается поиск новых форм упорядочивания социальных отношений и, соответственно, новых форм идентификации. Осуществляются попытки определить модель лучшего общества, в котором наиболее учтены условия человеческого совершенствования. Расцветает философия, оправдывающая поиск индивидуального совершенствования вне общества: А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор. Распространение анархизма отражает недоверие к правительствам, государственному аппарату и бюрократическим органам, свидетельствует о тенденции, с одной стороны, уйти от общества, с другой – построить усовершенствованное государство. Анархическая идеология М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина оправдывается тем, что государство мешает становлению межличностных отношений, следовательно, подлежит уничтожению. К XIX веку повсеместно распространяется рациональный тип экономики. Внешний, а не внутрисемейный экономический контроль гораздо эффективнее. Рациональные, безличные, «неперсональные» отношения занимают место традиционных и интимных связей. Происходит рационализация структур экономики за счет развития интернациональной инфраструктуры транспорта, коммуникаций. Модернизм и техницизм стали ответом на утрату общехристианской картины мира. Время становится метрической основой производственного процесса, приобретает экономическую ценность, влияет на социальные отношения, способствует развитию отчуждения. Вместе с этим оформляется новое социальное противоречие – между системными и индивидуальными целями. Недостатком бюрократического контроля становится независимость от целей развития сначала индивидуальных, а затем и коллективных. Дихотомия рационально-организованного и интимного усиливается. Примером ухода в своё, свободное от общественного, может служить празднование Рождества. Если на протяжении XV-XVIII веков Рождество – это коллективное, скорее карнавальное действо, то в XIX веке этот праздник окончательно становится частным, семейным. Для социального пространства сложилось разделение на рабочее и частное пространство. Современный способ жизни разделён на общественную и частно-эмоциональную сферу. Индивидуализация и приватизация приводят человека к чувству изоляции, одиночества, отчуждения, впервые осознанному в XIX веке. Индивид приобретает опыт отчуждения и беспомощности, связанный с общественным развитием, теряет контроль над обстоятельствами своей жизни и уступает его машинам, рынку, производству. То, что было воистину человеческим, становится чужим. «Век естественных наук и техники, колоссальной концентрации власти все больше и больше открывает обратную сторону – века боязни» [6, с. 223]. Спасение может придти из внутреннего мира человечества, страшна потеря себя как оскудение души (П. Чаадаев, А. Герцен, Ф. Достоевский, А. Чехов, П. Флоренский). Проблема выбора начинает играть ведущую роль в становлении собственного жизненного пути. Фундаментальные ценности, верования, мыслительные штампы, символические системы образуют сложную систему, с помощью которой нужно сформировать собственный внутренний опыт. К концу XIX века появляются научные теории, в которых в явной форме представлены общие познавательные формы анализа идентификации: «бессознательное», концепция «Я», «эго», политика завоевания свободы,

теории детства, юношества, размышления об уникальности жизненного пути и страх перед человеческой смертью. Так, идеологом перехода от субстанционализма к историзму стал Г. Гегель, тему уникальности человеческого бытия продолжил Л. Фейербах, а формулу связи самосовершенствования и политики завоевания свободы предложил К. Маркс. В XIX веке в философии, социологии и психологии рефлексия выходит за рамки индивидуального сознания и рассматривает более широкую систему отношений, изобретая и используя научную терминологию, способствуя росту объективного знания об обществе. Это объективированное знание, элементы которого могут и не осознаваться отдельным индивидом, но которое участвует в социальных процессах.

Таким образом, в XIX веке открыли, что: человеческое Я – нечто автономное, отличное от всего, даже от культуры и общества; личность и общество находятся в постоянном состоянии конфликта и распространяющиеся рациональный тип экономики и техника обостряют это столкновение; отчуждение как сохранение себя – результат конфликта; поскольку пространство и время ограничены, наибольшую экзистенциальную ценность имеют внутреннее духовное пространство и уход в себя из-за нарастания социального отчуждения; человеческое Я – особая психическая, духовная реальность, множественно, многогранно. Опасность потерять целостность становится реальной проблемой. Для XIX века характерна уже озабоченность упорядочиванием разнообразия в социальной жизнедеятельности на повседневном уровне во имя идеалов, определяемых общественным консенсусом.

XX век – время бурных перемен в экономике, политике, культуре. Деятельность индивида становится разнообразнее и сложнее, и тем более дифференцированным и тонким становится его самосознание. Вместе с этим задача по поддержанию внутренней согласованности и устойчивости становится всё более трудной. Жизнь протекает в больших городах, на фабриках, в больших корпорациях, в бюрократических организациях. Технический и технологический миры ограничивают время человека, он торопится жить. Важно то, что имеет эффективность в настоящем. Взаимоотношения индивида и экономической системы определяются: экономической зависимостью от товарной, финансовой, потребительской систем; подверженностью массовым экономическим кризисам; положением человека в качестве винтика в огромной машине производства; чрезвычайной мобильностью в рыночных экономиках; развитием планирующих технологий (Госплан СССР, финансовый госконтроль Кейнса), планированием национального бюджета; введением в экономическое развитие новых форм управления, без которых невозможен экономический порядок и планирование поступательных действий (системы Тейлора, Форда, современные информационные технологии); расцветом рыночной потребительской экономики, приводящей к информационной организации общества.

Таким образом, homo economicus XX века, с одной стороны, получает в свое распоряжение небывалые ранее материальные достижения в виде разнообразных товаров, услуг, открывает для себя новые финансовые и профессиональные возможности. Выбор материальных товаров, форм и направлений образования, культурных развлечений расширяется. К середине XX века сложилась экономическая основа для разнообразия, и это же явилось основой масштабного распространения феномена идентичности. Основными компонентами современной экономической идентичности становятся обладание красивым домом, машиной, престижным образованием и работой, успешный карьерный рост. Накопление вещей – эффективный способ осознать свою идентичность, актуализировать свой потенциал. Динамика движения к разнообразию создается

технологиями контроля, развитием системного анализа и планирующих технологий, применением усовершенствованных форм управления в потреблении, распределении, становлением рекламы. Последние три десятилетия двадцатого столетия характеризуются изменением всех экономических, социальных, технических, политических основ общества. Эти изменения характеризуют как становление постиндустриального или информационного общества.

Заключение. Рефлексия в отношении «Я» возникает в контексте перестройки системы социальных отношений. Проблема идентичности появляется вследствие усложнения социального взаимодействия как результат развития общественной системы и обостряется в ситуации плюрализации жизненных стилей и совместно существующих контекстов, из которых необходимо выбрать свой собственный. Усложнение социального взаимодействия и утрата привычного образа взаимодействия приводят к неупорядоченности и хаосу. Идентичность является результатом упорядочения социального взаимодействия; решение проблемы связано с поиском новых, более высоких форм упорядочения. Тенденциями, приводящими к такому усложнению, являются индивидуализация и усложнение внутреннего мира человека, при стремлении сохранить континуальность и целостность своего Я, а с внешней стороны – это процесс глобализации, создающий конфликт по линии глобальное – локальное. Век индивидуализации вынуждает человека быть «подобием самого себя, а не жалкой копией кого-то другого». Отчуждение, фрагментарность, разбегающееся внешнее, – всё это создало обстоятельства, при которых становление идентичности стало протекать в рамках преодоления разрыва между общественным и частным, большим и малым, официальным и повседневным. Главной движущей силой становления идентичности становится стремление соотнести внутренний мир с внешним в воспроизводящейся ситуации усложнения, множасьего разнообразия, реализуемого развитием и распространением систем информации, знания и информационных технологий. В современном обществе особенно остро стоит проблема построения жизненной модели, планирования собственного будущего, выбора адекватной своему внутреннему миру модели поведения. Жизнь становится автобиографическим проектом, начиная уже с детского возраста. Идентичность выступает как модель, позволяющая встроить Я в окружающий мир, овладеть социальным контекстом. Становление идентичности заключается в процессе тяжелого выбора между легко приобретаемым Я – заимствованным, скопированным, принудительно приобретенным, и Я, которое получают собственными усилиями и стараниями в результате приспособления внутреннего мира к разбегающейся вселенной внешнего мира. Идентичность можно определить как процесс становления человека на основе выбора и формирования жизненной модели в социальном взаимодействии.

Литература:

1. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов-на-Дону, Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1999.
2. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. – СПб.: Алетейя: Унив. кн., 1998. – 249 с.
3. Лосев А.Ф. Историческое время в культуре классической Греции // История философии и вопрос культуры. – М., 1975. – С. 7-62.
4. Хюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
5. Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры. – М.: Наука, 1990.
6. Кон И.С. Открытие Я. – М.: Политиздат, 1978.

7. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981.
8. Baumeister R. Identity, cultural Change and Struggle for Self. – N. Y., 1986.
9. Хейзинга И. Осень средневековья. – М.: Наука, 1988. – С. 469.
10. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112-123.
11. Гайденко П.П. Коллизия возрожденческого титанизма // Вопросы литературы. – 1980. – № 3.
12. Августин А. Исповедь. – М.: Политиздат, 1990.
13. Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995.
14. Дюби Ж. Европа в средние века. – Смоленск: Полиграмма, 1994. – 316 с.
15. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. – М.: РГГУ, 1995. – 446 с.
16. Декарт Р. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – С. 475.
17. Бродель Ф. Структуры повседневности. – М.: Прогресс, 1986. – С. 384.